

Наталья Вячеславовна Андреева

Звезда в хвосте Льва

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8323537
Звезда в хвосте Льва: [роман] : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-086658-8

Аннотация

Самый ненасытный порок – это тщеславие. Сколько его ни корми, оно все равно остается голодным.

Казалось бы, есть все: успех, деньги, слава, любовь... Иному и одного из этих благ на всю жизнь хватит, чтобы быть счастливым.

Но только не Андрею Ромашову. Он надеется стать первой и самой яркой звездой в сердце одной упрямой и талантливой женщины. Унизить, растоптать, посадить в тюрьму! Только бы она покорилась!

Но женщины не любят предателей...

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Наталья Андреева

Звезда в хвосте Льва

Денебола – третья по яркости звезда в созвездии Льва. Название происходит от арабской фразы, которая переводится как «Хвост льва», а именно таково положение Денеболы в созвездии. В астрологии эта звезда считалась предвестником несчастья и позора.

Часть первая

Лето

«Его большие красивые глаза затуманило облако внезапной грусти...»

- Андрей!
- А? Что?
- Ты меня совсем не слушаешь!
- Прости, я задумался.

От этой привычки он все никак не мог избавиться. Хотел, но не мог. Думать о себе в третьем лице, словами шаблонных любовных романов. Фразы на ум приходили почему-то самые пошлые и банальные. А еще до тошноты цветистые, можно даже сказать, махрово-цветистые.

«Она смотрела на него, умоляюще и преданно, и прекрасное лицо ее было печально, словно луна, на которую набежала огромная туча...»

- Андрей!!! Что с тобой?!

Виной всему была его фамилия: Ромашов. Когда Лёве исполнилось четырнадцать, мама, преподавательница русского языка и литературы в маленькой сельской школе, сочла, что мальчик уже созрел для того, чтобы это оценить, и подсунула ему повесть Куприна «Поединок».

Фамилия главного героя тоже была Ромашов, поэтому повесть юный однофамилец проглотил за ночь, залпом, не отрываясь. Так же охотно и с интересом Ивановы читают про Ивановых, а Васильевы про Васильевых. Если герой хороший, то и собственная самооценка повышается, а если подлец, то книга дрянь.

Герой «Поединка», безусловно, был положительным, хоть и не очень симпатичным, с точки зрения внешности, удачливости и развязки сюжета. Его убили на дуэли, но благородство Ромашова книжного было налицо: он принес себя в жертву любимой женщине. Невольно Лёва Ромашов так же, как и его вымышленный однофамилец, стал думать о себе в третьем лице и постоянно представлял себя со стороны. Пытался понять: а что же думают о нем *другие*?

Именно поэтому Лева очень легко поступил в театральное училище. Ведь его самого, Лёвы Ромашова, по сути, и не было. Он весь был – мнение о нем других людей, которых он мысленно пытался сыграть. Сыграть их чувства к нему, их мысли о нем, их поступки по отношению к нему, если эти отношения будут продолжаться и дальше.

Он давно уже вырос, и теперь приближался к тому, что еще называют кризисом среднего возраста, стал самостоятельным и независимым, а потом богатым и знаменитым, его судьба ничем не напоминала печальную судьбу героя «Поединка». Да и не могла быть на нее похожа: красавчик Лёва Ромашов пользовался неизменным успехом у девочек, так же как

потом он сделался идиолом бесчисленных поклонниц. Но привычка думать о себе в третьем лице все равно осталась, и избавиться от нее Ромашов не мог.

Сказать лежащей рядом женщине, о чем он думает? Чтобы та подняла его на смех? Господи, какой Куприн! Какая к черту классика! Ей двадцать лет! В ушах у нее постоянно торчат наушники, а мозги заменяет айфон! Где есть ответ на любой вопрос, начиная от «где купить самые тонкие прокладки» до «в чем смысл жизни». Вряд ли Настя даже вспомнит, кто такой Евгений Онегин. А Куприна в школьной программе вообще нет. Кстати, зря.

Ромашов покосился на Настю. Хотя, нет. Про Онегина должна знать. Она ведь актриса. Классика обязательна в репертуаре любого театра.

Актриса! Он чуть не расхохотался. Для того чтобы сниматься в сериальном «мысле», меньше всего нужны актерские способности. Ведь это давно уже не кино, а прокладка для бесконечной рекламы. Поэтому молоденькой актрисе нужен не талант, а имя. И не славное имя, а скандальное. Для этого надо кого-нибудь избить, напиться и устроить дебош в самолете, расколотить витрину в баре и увести из семьи олигарха. В крайнем случае, распространять о себе небылицы, чем нелепее, тем лучше.

Настя прекрасно все это понимала. Потому и начала с реалити-шоу, где с остервенением раздавала пощечины своим соперницам и закатывала истерики любовникам, а когда ее все-таки выгнали, «отобралась» на крохотную роль в мелодраматический сериал и стала искать, с кем бы ей переспать, чтобы об этом заговорили все?

Они познакомились на съемках. Его уломали на главную роль (опять мелодрама!), Настя же оказалась статисткой. Ее постоянно затирали более звездные актрисы, которые смотрели на провинциалку свысока и требовали себе отдельную гримерную. Но сама Настя считала, что это лишь первый маленький шаг к большой актерской карьере. Ромашов подозревал, что предприимчивая Настя, девушка без комплексов, получила доступ к телу продюсера, потому что главный актер в сериале в свою очередь получил от того совет. Ради пиара надо закрутить роман с одной из актрис. А о чем еще писать журналистам? Скоро сериал выходит на телеэкран, рекламный бюджет составлен и утвержден, осталось подбросить скандальный сюжет.

– Андрюха, ты ведь не женат...

– Это есть в моем контракте. Кому я нужен женатый? – усмехнулся он.

– Правильно! Тебя надо раскручивать только через постель!

– Хочешь сказать, что я больше ни на что не гожусь?

– Давай смотреть правде в глаза: актер ты хреновый. Зато мужик классный. Ты на этом и вылез. Я уж не буду тебе напоминать, как и кто тебя сделал...

– Хорошо, – устало сказал он. – У меня есть выбор, или ты все уже решил?

Продюсер замялся:

– Есть одна перспективная девочка. Она играет третью по списку подругу главной героини. Роль маленькая, но зато девочка – класс! Настоящая секс-бомба! Я хочу ее раскрутить.

– Как ее зовут?

– Стейси Стюарт.

– Как-как?!

– Вообще-то она Настя Васильева. Но Васильевых, сам знаешь, пруд пруди. И Настя...

Как-то все банально.

– Понятно, – кивнул он. – Кто это родил? Ты или она?

– Вообще-то она.

– Фамилия королевская. Да и имя... А не перебор?

– Тебе что, жалко? Ну, хочется девочке побыть Принцессой Стейси. Копнуть поглубже, так у нас в знаменитостях одни Попкины и Тапкины. Тебе хорошо. Ты хоть Ромашов. И даже Лев. Кстати, а почему ты сейчас Андрей?

В самом деле, почему?...

«Прекрасная незнакомка смотрела на него с неподдельным интересом»

– Значит, вы пришли на кастинг?

– Да, меня вызывали...

Она скользнула по нему безразличным взглядом и устала в окно. В коридоре, где они стояли, было холодно, здесь, в офисе кинокомпании «Денебола» курили так много, что форточка постоянно была распахнута. Стена, к которой Ромашов прислонился, потому что ноги его не держали, оказалась ледяной. Невольно дрожь передалась коленям, потом мелко-мелко задрожали икры ног. Желудок провалился куда-то в пах, и там невыносимо заняло. Захотелось в туалет.

Ромашов стоял, ни жив, ни мертв. Ему сказали, что в кинокомпании «Денебола» все решает главный редактор, она же любовница генерального продюсера.

– Понравишься ей – получишь роль. Не понравишься – можешь ставить крест на своей актерской карьере.

– Да почему?

– Рару знают все. У нее муж журналист. А любовник генеральный продюсер. Не считая еще десятка влиятельных мужиков, с которыми она переспала, или еще спит от случая к случаю.

– Ради карьеры, что ли?

– Нет, исключительно ради удовольствия. Карьера – это лишь побочный эффект ее любвеобильности. У тебя все шансы, Ромашов. Похоже, ты в ее вкусе. Дерзай!

«Зато она не в моем», – в отчаяние думал он, глядя на стоящую перед ним женщину. Он в толк не мог взять, как ей это удастся? Оставаться фавориткой генерального, когда в этом офисе концентрация красивых женщин на один квадратный метр площади просто немыслимая! Да уже на подходе становится не по себе. Вокруг одни красавицы! Умопомрачительные ноги, налитые груди размера не меньше третьего, шикарные гривы, белокурые или рыжие. Встречаются, конечно, и обжигающе-яркие брюнетки, даже азиатки с фарфоровыми кукольными личиками. Да выбирай любую! Время такое, что понятие «мораль» давно уже отнесено к атавизмам. Здесь, в офисе солидной кинокомпании оно так же нужно человеку, как хвост или аппендикс. Срочно удалить! Ради карьеры дозволено все! Денег и славы любой ценой!

А генеральный продюсер спит с этой... Даже и не знаешь, как ее назвать? Некрасивая? Невзрачная? Не-пойми-какая в общем. Маленького роста, грудь еле намечается, лицо блеклое, почти без бровей, черты очень мелкие, такое ощущение, что художник работал в четверть силы, едва притрагиваясь к листу карандашом. Какие-то линии вообще остались незавершенными. Это даже не картина, это эскиз. Четверть женщины, не больше. Ростом Рара была ему по плечо, поэтому Ромашов именно так и подумал.

И вдруг она улыбнулась. Его обдало жаром. Такой улыбки он еще не видел никогда. Нахальная? Нет. Вызывающая? Ничуть. Обещающая? Возможно, но тоже нет. Пленяющая и обещающая одновременно. А еще виноватая. Улыбка победительницы и вместе с тем побежденной. Впечатление было такое, словно бы Рара мысленно взяла веревку, сделала из нее лассо и накинула ему на шею. Осталось только затянуть петлю и повести добычу за собой. На заклятие. Он понял, что пойдет.

– Как вы говорите, вас зовут?

– Лев Ромашов.

– Как-как?

– Лев...

– Я поняла. Это плохо, – она слегка нахмурилась. На лбу образовалась горизонтальная складка. Он вдруг понял, что Рара за тридцать, а вовсе не двадцать пять, как он подумал, когда ее увидел. – Вы слышите? Лев... пауза... Ромашов. Словно обрыв. Между «В» и «Р» много пустого места. Так не должно быть. Имя должно произноситься легко, без пауз, тогда оно запоминается. Речь – это музыка. Вам, часом, не медведь на ухо наступил?

– Я окончил музыкальную школу по классу фортепиано.

– Ах, я не о том! Есть музыкальный слух, а есть литературный. Фраза должна звучать, как мелодия. Тогда люди ее повторяют раз за разом. Если мелодия удачная, красивая и приятная на слух, то она привязывается, и постоянно всплывает в памяти. Ваше имя люди с досадой забудут. Это как фальшивый аккорд... Или нет. Слишком мало нот. Лев – Ромашов. Если вы учились в музыкальной школе, вы меня поймете. Есть такой интервал: терция. – Он кивнул. – Есть кварта. Очень чисто звучит, как и само слово: кварта. Вслушайтесь... – она взяла его за руку. – Слышите ведь? – он кивнул. – А ваше имя напоминает мне музыкальный интервал, который называется секунда. Звучит он ужасно. Хотя, фамилия хорошая. Литературная. – Рара отпустила его руку. Он почувствовал, что падает с обрыва в глубокий, заросший крапивой овраг, откуда ему уже не выбраться никогда, и отчаянно спросил:

– Вы читали Куприна?

– Разумеется, молодой человек. Я ведь редактор. А мой муж журналист. Если мы и говорим часами о чем-нибудь, то это литература.

– Поэтому вы – Рара? Кстати, как это переводится на русский язык с вашего литературного?

Она впервые посмотрела на него с интересом:

– А вы милый. Да, вы правы. Я Раиса Райская. Райская, само собой, журналистский псевдоним. Настоящую фамилию называть не буду, она не слишком благозвучная. Скажу только, что я Раиса Гавриловна, – она тихонько рассмеялась. – С моим абсолютным литературным слухом это досадно. Мой муж Раевич, так что я могла бы стать Рарой вполне официально, если бы сначала вышла замуж, а потом стала делать карьеру. Но получилось наоборот, поэтому мы сочли, что я останусь Райской, а он Раевичем.

– У нас много общего. Любовницу Ромашова из повести Куприна тоже звали Раисой, – намекнул он.

– Надеюсь, я ничем не похожа на эту вульгарную безграмотную женщину? Держу пари, вы никогда не думали о псевдониме, потому что до сих пор были Лёвой. Лёва Ромашов звучит неплохо, но вы ведь собираетесь стать большим актером? – насмешливо спросила она. Цвет ее глаз неуловимо изменился, теперь он удивился их блеску и яркости. – Поэтому вам нужно настоящее мужское имя.

– И что вы предлагаете?

– Фамилию оставьте, а имя поменяйте.

– На что?

– Ну, я не знаю. Алексей или Андрей... – она на секунду задумалась. – Хотя, Андрей будет лучше. Вам необходимо второе «Р». А то какой-то вы мягкий, – она протянула руку и потрогала его за плечо. – Ну, я же говорила! Лёва Ромашов! Извините, мне надо бежать, у меня много дел.

– Мы еще увидимся? – с отчаянием спросил он.

– Не знаю...

– Пожалуйста, Рара! – попытался он ее обаять.

– Хорошо, – сказала она уже на бегу, – я посмотрю пробы...

Так он стал Андреем.

«Уголовная ответственность за невинное причинение вреда не допускается...»

– Аркадий!

– А? Что?

– Аркаша, что с тобой? Я не могу до тебя докричаться! О чем ты думаешь?

Он все никак не мог избавиться от этой привычки: оценивать любые неурядицы в своей жизни, даже досадные бытовые мелочи с точки зрения Уголовного кодекса. Похоже, в юности перекурил.

Вот и сейчас, глядя на испорченную женой рубашку, он подумал: уголовная ответственность за невинное причинение вреда не допускается. Галя ведь не нарочно засунула две его дорогие белоснежные сорочки в стиральную машинку вместе со своей красной блузкой. Сама расстроилась, когда увидела результат.

– Я же не знала, что она китайская! Написано «мэйд ин Итали», – растерянно сказала жена. – Надо же! Полиняла!

Розовые сорочки осталось только выбросить. Аркадий Журавушкин прекрасно понимал, что любой нормальный мужик в такой ситуации ограничился бы одним только словом: «Б...!» Или другим, не менее выразительным, но тоже матерным. Выплеснуть злость, одним плевком, и успокоиться. Он же мгновенно принялся выстраивать для жены презумпцию невинности, размазывая свою злость, словно жидкую манную кашу по тарелке, чтобы успокоиться. Ну не бред? Что это? Профессионализм или подтверждение того факта, что главной в его жизни является работа? Что он уже больше робот, чем человек. Не особь мужского пола, именуемая Аркадий Журавушкин, а адвокат по уголовным делам Аркадий Валентинович Журавушкин. Когда они с женой последний раз занимались любовью? Именно это он сейчас и пытался припомнить. Пытался найти в себе и в ней хоть что-нибудь человеческое. Кроме желания есть и спать.

Она работала в Пенсионном фонде, он в адвокатской конторе, работа у обоих была довольно скучная, нудная, связанная с бесконечным перечитыванием и составлением нормативных документов и справок, говорить об этом было невыносимо скучно. Стоило Журавушкину начать рассказывать о деле, которым он занимается, жена демонстративно зажимала уши:

– Ой, только не надо! Мне своей рутины хватает!

Точно так же, едва Галина принималась за разъяснение новой сложной формулы, по которой теперь будет рассчитываться пенсия, как он тут же ее обрывал:

– Галя, мне до пенсии еще далеко! К тому же я на нее не рассчитываю.

Жена с обидой умолкала. Зато во всем остальном они были согласны: на что потратить премию, куда поехать отдохнуть, сколько денег в месяц выделить дочери, которая жила отдельно. Маша снимала квартиру пополам с подругой, тоже студенткой, мотивируя это тем, что не хочет тратить полтора часа на дорогу от дома до Университета. Но Журавушкин подозревал, что дочь просто не хочет стать такой же занудой, как и ее родители. Чья жизнь расписана на много лет вперед. Впрочем, «уголовная ответственность за невинное...»

О, черт!!!

– Дай мне, наконец, пульт! – услышал он. – Иначе мой мозг разобьет паралич!

– А что случилось? – спросил он, протягивая жене пульт от телевизора.

– Я понимаю, что актерам необходимо пиариться, но надо же и меру знать! Я слышу это имя из каждого утюга: Стейси Стюарт! Мне уже в туалет страшно зайти. Кажется, нажми я на кнопку сливного бачка, вместо шума воды услышу «Стейси Стюарт»!

– Успокойся: закончатся деньги в рекламном бюджете, и ты о ней больше не услышишь.

– Сомневаюсь. Девушка весьма предприимчивая. Я уже проверила: стоит три часа кряду посмотреть какой-нибудь телевизионный канал, как там обязательно появится Стейси Стюарт. В вечернем ток-шоу на Первом – сюжет про нее. Она в центре внимания. Такое же шоу на Втором опять посвящено Стейси Стюарт. На Домашнем она же рассказывает о своих непростых отношениях с Андреем Ромашовым. Канал, специализирующийся исключительно на мистике, пригласил на шоу экстрасенсов все ту же Стейси Стюарт, чтобы маги сняли с нее порчу.

– А что с ней такое случилось?

– Как? Ты не слышал?!

– Имя, конечно, слышал. Но суть...

– Она сражается за любимого мужчину, – усмехнулась Галина. – Никак не может поделить Ромашова с бывшей его любовницей. Девушка утверждает, что Раиса Райская ей угрожает. Скажи мне, как адвокат по уголовным делам: есть у Стейси шанс упрятать эту Райскую в тюрьму и таким образом от нее избавиться?

Жена впервые за много лет спросила у него совета по делу, касающемуся его профессии! Журавушкин даже ушам своим не поверил. А потом подумал: «Говорят, что реклама уже не действует. Любая, в любой форме. А вот ничего подобного! Эту Стейси Стюарт моя жена уже ненавидит, но ей все равно интересно, чем все закончится? Галя о ней говорит, об этой Стейси, пусть с ненавистью, но имя запомнила, и наверняка посмотрит хотя бы одну серию из того „мыла“, которое скоро выйдет на телеэкран. Со Стейси Стюарт в главной женской роли. Хотя Галя его и терпеть не может, это мелодраматическое „мыло“, и всячески ругает. Но обязательно посмотрит, хоть одним глазком. А они этого и добиваются».

– Я полагаю, что все это выдумки, – размеренно сказал он. – Тщательно продуманная пиар-кампания. Возможно, что Райская с ними в сговоре. И потом: есть доказательства, у этой Стейси?... Как ты сказала? Стюарт?

– Она говорит, что есть. Диктофонная запись их ссоры с Рарой.

– С кем?!

– Так ее зовут, бывшую любовницу Ромашова: Рара.

– Зверинец какой-то! – поморщился он. – Стейси, Рара...

– Что ты хочешь? – пожала плечами Галина. – Богема!

– В общем, я понял: банальнейший любовный треугольник. Юная невеста, брошенная возрастная любовница и брутальный красавец-мужчина. Хотя бы он того стоит?

– О, да! – Галина внезапно оживилась. – Андрей Ромашов – самый красивый и сексуальный актер на нашем экране со времен перестройки! Я его помню в каком-то историческом сериале. Он был тогда совсем еще молоденький, но уже с невероятной харизмой! А сейчас Ромашов превратился в мачо, и для женщин просто неотразим! Даже ранняя седина ему безумно идет!

– Я и не знал, что у меня есть соперник, – с удивлением посмотрел на жену Журавушкин. Он-то думал, что мужчины ее давно уже не интересуют. Ан нет! Не потому ли у них давно уже нет интимных отношений, что муж далек от ее идеала?

– Увидеть Ромашова – и умереть, вот о чем я мечтаю, – вздохнула Галина.

– Ты его и так видишь, чуть ли не каждый день на телеэкране, – буркнул он.

– Это не то. Я хочу увидеть его вживую, понимаешь? – горячо сказала жена. – Узнать, какой он? И чтобы он посмотрел только на меня, зная, что это я.

«Она только что наивно призналась мужу в любви к другому мужчине, – с удивлением подумал Аркадий. – Пусть платонической, и без всяких шансов на взаимность, но у нее есть кумир! Идол, о котором она грезит по ночам! Это значит, что я для нее больше не мужчина. Вот до чего дошло!»

Их брак считался идеальным. Они друг другу не изменяли, причем, все у них было на доверии, никто ни за кем не следил. Дочь – умница, не доставляла никаких проблем. За исключением того, что жила отдельно. Но ее они тоже не контролировали. Оба работали, и неплохо зарабатывали. Имели друзей, людей своего круга, с которыми можно было поехать летом на пикник и нанести им визит четвертого или пятого января, чтобы развеять скуку слишком уж продолжительных рождественских каникул. У них с Галиной имелась хорошая трехкомнатная квартира почти в самом центре Москвы, две машины, у нее дамская, подешевле, у него представительская, подороже, они также могли проводить свой отпуск за границей, разбив его пополам: летом в Европе, зимой где-нибудь на Мальдивах. Очень удобный брак. Во всех отношениях выгодный. Так живет московский средний класс. А Журавушкины – типичные его представители.

Он машинально посмотрел на экран. Жена торопливо щелкала пультом, гадая, на чем бы остановиться?

– Ну, вот опять! – вскричала она так, что Журавушкин невольно вздрогнул. – Скажи еще, что я не права! Опять эта Стейси!

Очень красивая девушка неподвижно сидела в глубоком кресле, а мрачный мужчина в черном балахоне, похожий на ворона, делал над ее белокурой головой пассы.

– На тебе лежит проклятие... – вещал маг. – Вижу... Вижу женщину... Эта женщина несет тебе смерть...

Журавушкин опять вздрогнул, потому что Галина переключила канал. И по иронии судьбы увидела все ту же Стейси Стюарт, которая торжествующе сказала в нетерпении подавшемуся вперед корреспонденту:

– Вчера я купила пистолет!

«Он был так хорош, что ревность терзала ее сердце своими стальными когтями»

– Ты собираешься что-нибудь делать, или нет?!

– А? Что?

– Андрей! Очнись, наконец! Сколько можно?!!

– Настя, ты о чем?

– Эта женщина хочет меня убить, я знаю!

– Кто? Рара? – он едва не расхохотался. – Да зачем ей это надо?

– Из-за тебя! Она уже старуха, а мне только двадцать! Я же вижу, с какой завистью она на меня смотрит!

– Она и в двадцать-то не была красавицей, – усмехнулся он. – Если Рара и завидовала таким высоким длинноногим блондинкам, как ты, то это давно прошло.

– Андрей, ты, что, не понимаешь?! Мы уже объявили о нашей свадьбе! Она не может оставаться в этом доме!

– Милая, это ты не совсем понимаешь, – сказал он, как можно мягче. – Рара – мой пресс-секретарь. Это работа, и только.

– Зачем ты мне врешь?!

Настя отбросила одеяло и вскочила. Он окинул оценивающим взглядом ее фигуру и вынужден был признать, что женщинам есть чему позавидовать. В двадцать лет любая хороша, потому что молодость есть молодость, а уж высокая блондинка без грамма жира на стройном теле, так вообще сказка. Если Насте бог что-то и не дал, то пластические хирурги и стилисты легко это подправили. Импланты, вставленные в грудь, и закачанный в губы гель довершили образ секс-символа, а наращенные волосы и их цвет, а-ля платиновая блондинка, добавили Насте яркости. Можно было сказать, что в спальне Ромашова стоит сейчас Само Совершенство. Жаль только, что оно дурным голосом орет:

– Она твоя любовница! Это все знают! Вы вместе вот уже тринадцать лет!
– Двенадцать, – машинально поправил он. – Я ее год добивался.
– Ты хочешь меня упрекнуть в том, что я легла с тобой в постель в первый же день?!
– Настя, не передергивай, – поморщился он. – Она это она, а ты это ты.
– Ты знаешь, что она сказала мне сегодня, когда я вышла к завтраку? – трагическим шепотом спросила Настя.

– Что?

– Она сказала мне: «Доброе утро»!

– Это говорит о хорошем воспитании.

– Это говорит о том, что она меня ненавидит! Ты бы слышал, *каким* тоном она мне это сказала! «Доброе утро»! Понятно, что оно не будет для меня добрым! И вот, пожалуйста! Я опрокинула чашку кофе на новенький айфон!

– Да, это трагедия, – с иронией сказал он. – И виновата в ней Рара.

– А я тебе говорю, что она навела на меня порчу! Меня позавчера не утвердили на роль!
И вообще: последнее время все идет не так!

– А ты бы обратилась к ней за помощью. Рара очень умная женщина. Вы бы вместе проанализировали ситуацию, и быть может, дело не в порче, а в тебе? Ты немножко не так себя повела, и поэтому...

– Замолчи! Ты ничего не хочешь для меня сделать! Ничего!

– Милая, ты не права.

– Тогда пусть она уедет!

– Мы живем здесь вот уже десять лет...

– Мы?! Ты сказал мы?!

– Она выбирала для меня этот дом, – тихо напомнил он. – Как сначала выбирала роли.

Я обязан ей всем.

– Ты хорошо ей платил. Ты даже ее трахал! Да пусть она будет тебе благодарна!
Благодарна?!..

«Он смотрел на нее тем умоляющим взглядом, который сводит женщин с ума»

– Нет, этого не будет никогда!

– Но почему?!

– Не будет, и все, – отрезала она.

– Ты меня не любишь?!

– Господи, какая любовь?! Ты о чем? Ну, хорошо. Я просто люблю другого.

– И кто он, этот другой?

– Лёва, зачем тебе это?

– Я не Лёва, я Андрей!

Она посмотрела на него удивленно:

– Похоже, ты начинаешь проявлять самостоятельность. Пора тебе выбить настоящую мужскую роль.

– И как ты это сделаешь? – он схватил ее за руку. – Покажи!

– Ты, в самом деле, хочешь это знать?

– Да!

– Я просто попрошу, – она улыбнулась своей странной, сводящей с ума улыбкой и положила руку ему на плечо.

Совсем, как тогда, во время их первой встречи. И не так. Провела ладонью, до локтя, заскользила пальцами по предплечью и, остановившись на его ладони, легонько ее сжала. А потом отпустила и погладила. И вдруг ее рука замерла. Он почувствовал силу и нежность ее

прохладных пальцев. А сами их кончики были жгуче-холодными, казалось, у него на ладони лежит горсточка льдинок. В такую жару, после утомительного дня, показавшегося Ромашову бесконечным, это было особенно приятно. – Останемся друзьями, – тихо сказала Рара. – Твои дела идут в гору, чего тебе еще?

– Я хочу знать, зачем я тебе, если ты не хочешь быть моей женщиной?

Она на минуту задумалась. Они сидели в кафе, куда зашли после только что завершившихся съемок. Вечером, уже после девяти, Рара приехала из офиса кинокомпании «Денебола» на съемочную площадку, навестить своего любимого актера. Он заподозрил, что ее прислал генеральный продюсер, с которым она по-прежнему спит. Узнать, как себя чувствует главный герой? Насколько устал господин Ромашов, и в какой он вообще нынче форме? Он, действительно, устал, поэтому хотел эту женщину сильнее, чем обычно. Смертельная усталость мешала ему контролировать свои чувства.

– Зачем я тебе? – с нажимом повторил он свой вопрос.

– Хорошо, я объясню. Сейчас все только начинается, кинематограф будет бурно развиваться, как и все остальное. Потому что появляются сумасшедшие деньги. Их будут во что-то вкладывать, или в кого-то. В обществе же сейчас сплошная мешанина. Со временем все его члены распределятся по своим нишам, и наступит порядок. А потом скука. Желание перемен. И начнется новый цикл. Но сейчас – самое начало всего. Нулевые они и есть нулевые. Вот и надо вмешаться в это распределение. Есть место секс-символа, как есть место всенародно любимой певицы, главной балерины или самого тиражного автора. Это место кто-то должен занять, просто потому, что оно есть, и на него нужен человек. И он, этот человек, не в вакууме живет. У него есть связи, друзья, родственники. Чем больше его лобби, тем больше у него шансов попасть на заветное вакантное место. Новому времени нужны новые идолы.

– А что требуется от самого человека?

– Вот тут мы дошли до сути. Покладистость и сговорчивость. Лояльность. Независимые и строптивые никому не нужны. С ними трудно. Ну и, разумеется, желание чего-то добиться, работать.

– При первой нашей встрече ты сказала, что я мягкий, – усмехнулся он. – Этим и обусловлен твой выбор?

– Отчасти, – улыбнулась Рара. – Ведь когда ты будешь на вершине успеха, ты же не забудешь тех, кто тебя туда поднял? Не беспокойся, за каждый скормленный витамин я потребую с тебя массу маленьких услуг, – пошутила она.

– Но я хочу ответную услугу. Всего одну.

– Какую?

– Я хочу с тобой спать. Разве ты сама в этом не заинтересована? Это привяжет меня к тебе и будет гарантией того, что я буду делать все, что ты скажешь.

– А ты не глуп. А как же мои чувства?

– А мои? Чем я, по-твоему, должен играть?

– А ты играешь? – рассмеялась она, показав ослепительно белые зубы, ровные, похожие на дорогие жемчужины. Это было единственное в ее внешности, что сразу бросалось в глаза: безупречные зубы. – Лёва... Извини, Андрей, ты себе льстишь. Всю жизнь ты будешь играть себя самого. Ты очень хорош собой, женщины будут сходить по тебе с ума, и тебе вовсе не надо для этого играть. Камера тебя любит. Но не вздумай ее обманывать: играть какие-то чувства. Она тебя мигом разоблачит. Покажет твою беспомощность. Будь собой.

– Хорошо. Я это учту. Так что насчет нас с тобой?

– Я на пять лет старше.

– Не набивай себе цену.

– Я далеко не красавица.

– Это все?

– И, главное, как я уже сказала: я люблю другого.

– А мне на это наплевать! Я подозреваю, что ты меня, таким образом, привлекаешь. Если отбросить эмоции, ситуация выглядит так: молодого красивого актера опекает малопривлекательная редакторша кинокомпании. Должность не слишком завидная, к тому же редакторша на пять лет его старше. И каковы ее шансы, если она решила заполучить его в свою постель? А о твоей любвеобильности ходят легенды. Они, эти шансы, практически равны нулю. Вот ты и набиваешь себе цену.

– Блестяще! – похвалила Рара. – Я тебя недооценила. Нет, Ромашов, ты не глуп. Ты умеешь манипулировать людьми. Тебя стоит опасаться. Поэтому лучше уж я буду с тобой спать. Но давай оставим это как-нибудь красиво? Как у тебя с романтикой?

– Так же, как с литературой. Я много читал, но мало что понял.

– Хорошо, едем!

– Куда?

– Ко мне домой.

– Это и есть романтика?!

Она рассмеялась в ответ своим странным смехом. Он уже начинал понимать, что особенного в этом смехе, чего в нем больше. Определенно, безумия. Когда речь идет о любви, о сексе, или о том, что еще называют траханьем, в Раре появляется эта опасная сумасшедшинка. Ему стало не по себе.

– Ты боишься? Или ты передумал?

– Нет, отчего же?

– А твой муж дома? – спросил он, когда они уже ехали в лифте.

Рара жила на последнем этаже, под самой крышей, и все время, смеясь, говорила, что крыша эта постоянно течет. Все в ответ почему-то улыбались. Хотя, какой тут намек? На ее неверность мужу? На бесконечные романы, о которых Раевич не может не знать?

– Я не знаю, дома он или нет, – улыбнулась Рара. – Для тебя, для того, что у нас с тобой будет, это не имеет никакого значения.

Лифт вдруг дернулся и встал.

– Дом старый, у нас постоянно что-то ломается, – равнодушно сказала Рара, и вдруг принялась стаскивать с него футболку.

– Что ты делаешь?!

Она пошарила за спиной и нажала кнопку вызова диспетчера.

– Слушаю вас... – проскрипел динамик через минуту.

В этот момент Ромашов стоял уже и без штанов, а Рара медленно опускалась перед ним на колени.

– Говори... – велела она.

– Что говорить? – сдавленно спросил он.

– Говорите: что случилось? – надрывался динамик.

– У нас... лифт... встал...

Рара тихонько рассмеялась.

– На каком этаже?

– Понятия не имею! – выдохнул он.

– Какой подъезд? – допытывалась диспетчерша.

– Сука! – выругался он. – Что ты делаешь?!

Динамик потрясенно замолчал.

– Как это выключить? – простонал он, шаря рукой по панели с кнопками и попеременно нажимая их все.

– Чем вы там занимаетесь? – сообразила диспетчерша.

– Мы трахаемся! – громко сказала Рара, освободив на секунду свой рот.

– Хулиганы! Я милицию вызову!

Ромашов попытался оттолкнуть эту безумную женщину, которой пришло в голову здесь и сейчас заниматься сексом, но в этот момент лифт дернулся и поехал вверх. Ромашов представил, что вот сейчас они останутся, двери откроются, и, возможно, там, на площадке верхнего этажа, стоит ее муж...

– Не надо бояться, мальчик, – сказала Рара, поднимаясь с колен и тыльной стороной ладони вытирая мокрый от спермы рот.

– Это ты называешь романтикой?! Я понял: ты просто хочешь от меня избавиться!

– Я хочу, чтобы ты перестал бояться. Тебя слишком заботит мнение о тебе других. А я ищу тебя самого.

Лифт остановился. Когда они вошли в квартиру, ее муж оказался дома.

«Она с самого начала это знала!» – потрясенно подумал Ромашов.

Все происходящее вызвало в нем ужас и отвращение. Поэтому первое, что он сделал: пошел в туалет. Склонившись над унитазом, он подумал:

«Все, что было в нем чистого и честного, весь его внутренний мир, взлелеянный им с такой любовью, в мгновение ока рассыпался под этим ударом судьбы на миллион осколков...»

«...в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения...»

Эта фраза к делу не имела никакого отношения, как Журавушкин вскоре понял, но он все равно повторял ее про себя раз за разом: «в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения». Потому что сам Аркадий Валентинович находился сейчас именно в таком состоянии.

Сначала разволновалась его секретарша. Да так, что Журавушкин едва узнал свою спокойную и рассудительную Алису, когда она, задыхаясь, влетела в его кабинет:

– Там... там... там...

Щеки у девушки пылали, язык от волнения заплетался. «Если там, в приемной, не папа Римский, я съем свой галстук», – невольно усмехнулся Журавушкин.

– Ко мне посетитель?

– Да! – выдохнула Алиса.

– Но, насколько я помню, о встрече я ни с кем не договаривался.

– Аркадий Валентинович, я вас умоляю! – она сложила ладони домиком и посмотрела на него, как смотрит маленький ребенок, который выпрашивает дорогую игрушку. Его разобрано любопытство.

– Хорошо, пригласи, – кивнул он.

Обрадованная Алиса выбежала в приемную. Дверь вскоре вновь распахнулась и секретарша Журавушкина, пятясь в кабинет своего босса и нарушая, тем самым, субординацию (да что там! вообще хамство!), вся пылая, залепетала:

– Проходите, пожалуйста... Вот сюда... Сюда...

Едва взглянув на вошедшего, Журавушкин понял, в чем тут дело: в кабинет вошел ее Бог. Андрей Ромашов собственной персоной. В жизни он оказался еще лучше, чем на экране, хотя обычно бывает наоборот. Но к Ромашову это не относилось. Он был высок ростом, чего экран передать не мог, волосы растрепаны, а не прилизаны и налачены, и это ему шло гораздо больше. И вообще, на два тона ниже, то есть, без яркого грима, Ромашов смотрелся гораздо привлекательнее. Человечнее, что ли, а не как картинка из глянцевого журнала. Может быть потому, что от природы он был ярким брюнетом и, будучи загримированным, казался злодеем? Каким-то злым и жестким. Сейчас же он был мягким и до боли несчастным. Поэтому Алиса и прослезилась.

Журавушкин и сам разволновался, когда увидел кумира всех российских женщин в таком состоянии. Ромашов даже не сразу смог говорить. Какое-то время он, молча, сидел в кресле напротив Журавушкина. И лишь через минуту смог выдавить из себя:

– Извините... я... – и вновь надолго замолчал.

Алиса, которая против правил так и стояла в дверях, сообразила, что ему надо:

– Может быть, вам что-нибудь принести? Чай, кофе, или...

– Коньяку, – с благодарностью посмотрел на нее Ромашов. Алиса тут же просияла.

– У нас только армянский, – виновато сказала она. – Три звездочки.

– Все равно, – махнул рукой Ромашов. – Несите.

Тут только Журавушкин почувствовал, что от гостя уже пахнет спиртным. Хотя на ногах Андрей Ромашов стоял твердо.

– Давно пьете? – как можно мягче спросил Аркадий Валентинович.

– Второй день. Так что, можно сказать, недавно, – усмехнулся актер.

– Итак, что случилось? – спросил хозяин кабинета все тем же тоном, мягко и заботливо, как доктор у больного раком. Ибо по виду Ромашова было ясно – случилось что-то серьезное. Со смертельным исходом. Журавушкин интуитивно это почувствовал.

– Сейчас... – Ромашов коротко вздохнул, собираясь с силами. – Мне сказали, что вы один из лучших в Москве адвокатов по уголовным делам.

– Ну, если так говорят...

– Так вы лучший или нет? – раздраженно спросил Ромашов. – Если вы отказываетесь, я пойду в другое место! Потому что мне нужен лучший!

– Я еще даже не знаю, в чем дело, – осторожно сказал Аркадий Валентинович.

– Ее убили. Я должен сделать все, чтобы...

Ромашов замолчал, потому что в кабинет вошла Алиса с подносом. Она расставила перед мужчинами хрустальные рюмки (зачем две?), тарелочку с нарезанным лимоном, бутылку коньяка. И замерла у стола.

– Ты можешь идти, – сказал ей Журавушкин.

Секретарша, нехотя, поплелась к двери. Когда они опять остались вдвоем, Журавушкин спросил:

– Итак, вашу любовницу убили...

– Невесту, – поправил Ромашов.

– Не понял? Вы ведь говорили о...

– О Насте. Стейси Стюарт. Наверняка слышали, – усмехнулся актер.

– Так это ее убили?!

– Ну да. А вы о ком подумали?

– Я почему-то подумал...

Ромашов бросил на него быстрый взгляд, из-под ресниц, которые поразили Журавушкина своей длиной. Казалось, на глазах у Ромашова плотные шторы, за которыми он прячет непонятно что. Отчаяние? Ненависть? Боль? Не понятно даже, какого цвета у него глаза? Скорее всего, карие. Почти черные.

– Убита Настя, – отрывисто сказал Ромашов. – Все настолько очевидно, что Рару тут же забрали.

– Забрали?

– Задержали. Арестовали. Я не знаю, как это у *вас* называется. Вы юрист, не я. Вы и квалифицируйте. В общем, она в тюрьме.

– Я слышал, что ваша любовница угрожала вашей невесте. Но этого слишком мало, чтобы предъявить обвинение в убийстве.

– Настю нашли в саду. Рядом стояла Рара. Между ними лежал пистолет. Чего вам еще?

– А подробности?